

18+ Ирина Савицкая

Про любовь

стихи и песенки



Ирина Савицкая

Про любовь. Стихи и песенки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64092191

ISBN 9785005331212

Аннотация

Поэзия Ирины Савицкой отличается удивительной музыкальностью и искренностью. Основная тема – любовь. Жизнь во всех ипостасях – суть проявление любви. В сборник вошли стихи разных лет. В отдельной главе представлены песни со ссылками, по которым их можно послушать.

Содержание

Мама вставала рано	6
«...мама вставала рано...»	9
Колыбельная маме	11
Высоко	12
«Какое жестокое время...»	13
Маме	14
«Мама, я буду глазами твоими...»	15
Ежевика	16
Мысли	17
Приснилась мама	18
Про любовь	19
«Прикосновенье душ ...»	22
«Опять откладывают...»	23
Здравствуй!	25
«Уезжаешь...»	26
«Ах, как он врал самозабвенно!..»	28
Ирине	29
«– Который час теперь?..»	31
«Ну зачем мне этот Лондон...»	32
«Работа – твой Бог и избранница!..»	33
«Ты глядишь в окно-...»	34
«Я – не твоя жена...»	35
«Ах, как я парила...»	36

«Не оставляй меня...»	38
«Мне кажется...»	39
«Я не отдам тебя толпе...»	41
«Мы с тобой соучастники...»	43
«Ты присылаешь мне дожди...»	44
«Итак, не мудрствуя лукаво...»	45
«Оклеветали, оболгали ...»	46
Воспоминание о будущем	48
«Прости меня, что умерла...»	50
«Назначь мне свиданье...»	52
Ольге	54
«Я не люблю весну ...»	55
«Простить и проститься...»	56
Послание к Коринфянам	57
Треугольная кошка	58
«Раскатились, как горошины...»	59
«Светлое воскресенье запорошил январь...»	60
«Я провожу тебя до порога...»	61
Возвращение композитора	62
«Пишу, как ты учил...»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Про любовь Стихи и песенки

Ирина Савицкая

© Ирина Савицкая, 2021

ISBN 978-5-0053-3121-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мама вставала рано



«...мама вставала рано...»

...мама вставала рано
свет за окошком странный
золу выгребала
каждое утро из поддувала
потом будила меня одевала
доставая из-под одеяла
умывала над цинковой ванной
включала радио с бодрой программой
звонким голосом: встаньте прямо
а в тарелке с каемочкой с кашей манной
тает масло а чай с душицею пряной
а потом вела в детский сад
и убегала улетала чтобы скорее прийти назад
взять на ручки надеть ботинки с рантами
смазать мои коленки зеленкой подуть на рану
воды напиться на улице из-под крана
нарисовать мне розу принцессу с бантами
включить пластинку на 78 про козу-дерезу про кощя
обещать что утро вечера обязательно мудренее...
умудренная эти странички листаю
провожаю взглядом синичек стаю
на окошке рисунок странный
мир огромный и многогранный
только ноет в зеленке рана
мама вставала рано

2012

Колыбельная маме

Мама, мама, не болей,
Ветер ставни прикрывает,
Чтобы шорох тополей
Не будил тебя, родная.
Между небом и землей
Заблудились наши души,
Сердце ноет, руки – лед
От бессилья, как удушья.
Между вечностью и мной
Ты лежишь едва живая,
Теплым пледом, тишиной
Я тебя отогреваю.
Мы с тобой еще зимой
Поменялись вдруг ролями:
Ты теперь ребенок мой.
Над горами и полями,
Льется к Богу синева —
Все молитвы полукружьем.
Если мать твоя жива,
Значит, ты кому-то нужен.

Высоко

Мы летим высоко, высоко, высоко,
только я – в самолете,
а ты – за дождём,
еще выше —
в чертогах у Бога.
Говорим о любви,
о последнем осеннем тепле,
не спеша, обо всём
без печали, тоски и тревоги.
Помнишь, дикие тени
и шелест горящих свечей,
ты сидела и гладила мой отрастающий ёжик
все долгие ночи,
и растерянно так повторяла:
а мне-то зачем,
если ты, моя девочка,
жить в этом мире не хочешь?
Я молчу, я не буду о том,
как безумное эхо гудит от продрогшей капли,
на пустынной земле
сиротливо вздыхает наш дом,
где так много друг другу
сказать мы с тобой не успели...

«Какое жестокое время...»

Какое жестокое время:

прощания,

долгие проводы

(откликнитесь,

Лондон на проводе...),

и понимание,

что это —

навсегда.

Близкие люди нас покидают —

Снег на ладонях не тает, не тает.

И вот уже не докричаться,

не достучаться

и невозможно спросить

(кого ты хотел простить):

– Ты же любил её,

Да?

2007

Маме

Я лечу над облаками

к маме, к маме,

к маме, к маме.

Прячу крылышки под зонт —

это сон.

До-ре, до-ре,

до-ре, до-ре,

до-ре-ми.

Как по клавишам, по нервам —

не реви.

День растрепанный, последний

у зимы.

Кто-то счастлив и хохочет,

ну, а мы?

Мы стоим пред образами —

темен, темен

темен лик.

Кто рисует, кто-то режет,

кто снимает

этот клип.

29.02.2008 (*London-Moscow*)

«Мама, я буду глазами твоими...»

Мама, я буду глазами твоими,
мы поедем с тобою,
и веси России
замелькают, как кадры Феллини.
Черно-белую лентой дороги
обмотаю налитые памятью ноги.
По пыли и пеплу, и росам, тревогой
задрожит колокольчик у хаты,
покосившейся, с серой заплатой.
Ты, озябшею птахой, когда-то
собирала нехитрые крохи. Ненастье —
тихо выла метель по Настасье.
Белых крыльев ее вековая усталость
согревала, хранила, касалась —
это все, что в наследство досталось.
На погосте могилка заждалась.
Ни крестов, ни оград, ни молитв панихиды,
только крылья,
трава проросла сквозь забыто.

2010

Ежевика

Кисло-сладкая ежевика,
на тарелке от солнца блики,
гуси-лебеди, мама, Вика —
темноглазы и светлолики.

Кисло-сладкая ежевика,
на рассвете так сладко спится,
ветер шепчется с базиликом,
расплетает мои косицы.

Кисло-сладкая ежевика —
ах, проснуться бы как бывало —
гуси-лебеди, мама, Вика,
маки, маки – букетик алый.

2012

Мысли

Мама родила меня в пятницу —
говорили, хорошая примета —
будет богатой.

Она поцеловала меня в нос
и в два туманных агата —
пусть будет счастливой,
но я не об этом.

Она так любила меня, свою дочь,
и, видимо, его отражение,
баловала, оберегала и день и ночь,
и, качая меня на коленях,
совсем о себе забывала,
вслух никогда его имени не называла.

Но когда он умер, вздохнула устало
и — мамы не стало.

И вот теперь я, ее взрослая дочь,
в ожидании встречи,
Возможно, нескорой,
тоскую, думаю, могла ли помочь,
вздрагивая от ночного звонка
или воя сирены Скорой.

Приснилась мама

Приснилась мама, юная, смешная —
гляделась в зеркало, кудряшки собирая
в задорный хвост на маковке. Я с ней
стояла рядом, тихо улыбаясь,
похожести двух девочек. Ясней
движенье рук и лиц девичьих линий
отображенье проявлялось. Зимний
безлунный сад горячечного края
в старинной раме – так, в чертогах рая
должно быть счастье, мамочка моя.
И было и не к месту, и неловко
тревожить эту девочку-подростка,
рассказами, как я тоску-тоскую,
что с каждым днём пронзительней скучаю.
Боясь проснуться, предлагаю чаю.
Погорячей – ах, пальчики – рискую.
На блюдечке простых конфеток горстка.
Малины положить бы в чашку надо
И в вазочку кусочки рафинада —
Вприкуску, как ты любишь.

Про любовь



«Прикосновенье душ ...»

Прикосновенье душ —
Свеченье чистоты —
Заполни иль разрушь
Виденье пустоты.
Нелепо и смешно
Переплетенье фраз,
Я верую в одно
Проникновенье глаз.

1982

«Опять откладывают...»

Опять откладывают,
Рейс откладывают.
Вторые сутки —
Аэрокапкан.
Табло поглядывает,
Подглядывает —
Ах, электрический истукан!
А я опаздываю,
Опаздываю!
Намного,
Может быть,
Навсегда.
Старуха жалобно вздыхает в кресле:
«Вот, дыню внуку
не довезла».
Аэропастбище.
Реактивный
Стоит на привязи
«Пеликан»,
И серой пылью
Огорчение
Легло на старенький чемодан.
Лишь двое к этому
Ожиданию
Так безучастны —

вечность ждать! —
как вдохновенно
они целуются!
Прогноз нелётный,
А им – плевать.
Не верю —
Верую.
Сквозь туманы —
Многотурбинное чудо сна —
Как позывные,
Несёт тюльпаны
Моя зареванная весна.

Здравствуй!

Э. Османову

Здравствуй! Если помнишь меня.
Здравствуй, если не помнишь.
Как ты живёшь все дни,
Даже мысль обо мне отринув?
Все дела и дела сквозь них
Я листом прощуру: «Ирина».
Но однажды придя домой,
Ты снимаешь и шарф, и важность,
Отдираешь привычный край,
И значительность, и бесстрастность.
И уже ты стоишь один
Посреди суетного мира,
Лишь собою самим судим,
Вдруг глаза потеплеют: «Ира».
Как ты живёшь? Без меня?
Обнимая другую. Незрима
Запечалю тебя, загрузчу
И дождём простучу: «Ирина».

1984

«Уезжаешь...»

Уезжаешь,
уезжаешь...
До зари
стынут губы,
никнут руки,
повтори
в дальней дали,
светлой дали,
в тишине
мое имя
лишь с собой
наедине.
Уезжаешь,
уезжаешь,
не молчи,
обмани меня,
что любишь
прошепчи.
Уезжаешь,
уезжаешь,
лишь в ночи
в светлом Храме
поминальном
две свечи.

«Ах, как он врал самозабвенно!..»

Ах, как он врал самозабвенно!
И бесхребетная душа
Ему поверила мгновенно,
От восхищенья не дыша,
Не понимая и не помня,
Что в круговерти бытия
Уже летели эти комья,
Грехом и радостью звеня.
Разинув рот, ему внимало
Толпы расплывшейся пятно,
И много было или мало
Не раздражало небо, но...
Глаза погасли, безголосый,
Вдруг прохрипел не для неё:
«Не верь мне, заплетая в косы
рассвет, раскаянье моё».

Ирине

В далёком Питере
В зеленом свитере

В гранитном логове
Брегов Невы

Прозрачным облаком,
Такая томная,

Мечтою Волонда
Плывёте Вы.

Ах, яркой просинью
В пространство осени

Кому-то бросили
Беглый взгляд.

И нотой звонкою
Улыбку тонкую —

Экспресс за окнами
Зажёг закат.

Цветами мокрыми

Тихонько вздрогнули

С глазами полными
Глухой тоски.

Как эхо дробное,
Междугородные,

Тревожат жёлтые
Лепестки.

«– Который час теперь?..»

– Который час теперь?

– Должно быть, осень.

Размыты стёкла проливным дождем.

Усталость губ

И глаз любимых просинь

Пронзительнее в мареве ночном.

– Который час теперь?

– Дрожат ресницы,

Мелькают тени завтрашнего дня,

И две звезды,

Как две большие птицы,

Дрожат в осенних отсветах огня.

– Который час?

Как беспокойный Фауст,

То удаляясь, то гремя, как гром,

Неверных слов, невыдержанных пауз

Безумное аллегро за окном.

1995

«Ну зачем мне этот Лондон...»

Ну зачем мне этот Лондон,
если рядом нет тебя.
Ожиданьем ночи соткан
взгляд томящегося дня.
Ну зачем мне этот Лондон —
день без глаз твоих как год.
Полоса заката словно
мой от слез припухший рот.
Нет, не город манит, каюсь,
звезды мокры от росы,
чтобы губ моих касаясь,
не глядел ты на часы.
Обними меня как прежде,
наших губ не размыкай,
на пустынном побережье
не спеши сказать: «Прощай».
Лондон хмурый, Лондон нежный,
мы у Вечности в плену —
я твой ангел, ангел грешный
не во сне, а наяву.

«Работа – твой Бог и избранница!..»

Работа – твой Бог и избранница!

И это превыше всего —

Смеется, ревет и жеманится,

И ты обожаешь ее.

Работа, работа, работа...

Но дождь, но листвы маскарад...

Не входят банально в расчеты,

Бездушной цифири парад.

Работа. Неверную ноту,

Как грех замолю при свече.

– Ну, что ты, любимая, что ты

Синицей дрожишь на плече.

1995

«Ты глядишь в окно-...»

Ты глядишь в окно-
ветки, купола,
прошлогодний снег,
серая зола.
В небе кутерьма —
скачут облака.
Яблок, молока
запах у стола.
Тает снег в саду,
под ногами — всхлип-
почерневший лист
отзвеневших лип.

1996

«Я – не твоя жена...»

Я – не твоя жена,
не прихоть, не забава.
Не мне твои слова
в предутренней тиши.
Я – тонкая струна
и на губах отрава.
Я – грусть в твоих глазах
и свет твоей души.

1996

«Ах, как я парила...»

Ах, как я парила,
Как тебя любила —

А

л

л

и

л

у

й

я!

Руки мои – крылья,

На устах – отрава

поцелуя.

С поднебесной сини,

Где меня носило,

Об землю,

В снег...

Не собраться с силой

Душе бескрылой —

Короткий

век.

Как же я молилась

Как же я просила:

С

П

СПАСИ

С

И

Но промчался мимо

Меня любимый

Не

вос —

кре —

сил.

1996

«Не оставляй меня...»

Не оставляй меня,
Не уходи
В дальнюю даль безоглядную.
Дочкой и сыном
Наши пути
Соединяются в радугу.
Ниточку тонкую сердца
Не рви —
Болью и радостью венчаны,
Вновь говорю тебе:
Я – это ты,
Я твоя грешная женщина.
Холодно,
В доме гудит тишина,
Бьется душа моя,
Мечется,
Господи,
Дай ему сил и спаси,
Я – пред тобою ответчица.

«Мне кажется...»

Мне кажется,
что мы когда-то были
и возвратились...
Я ловлю твой взгляд
и вспоминаю:
в дикой пляске пыли
мы шли уже
сквозь серый листопад.
Мы возвратились,
как в повторном фильме,
сюжет знаком,
событий верный круг
переменить, переиграть
бессильны,
и разомкнуть
тот бесконечный круг.
Судьба моя
опять в нелепом гриме
в твоей России —
азиатском Риме —
на цыпочки привстала-
ну, а вдруг...
Ворвешься в мой бессмысленный покой,
и мы с тобой
помчим по кольцевой.

За окнами опять огни, огни,
дождем размыты
плачут фонари...
И в мире, и на сцене —
мы одни,
Но гаснет рампа
и свеча зари.

«Я не отдам тебя толпе...»

Я не отдам тебя толпе
не на закланье, не для почести,
в регалиях или без отчества
я не отдам тебя толпе.
В минуту скорбную и в радости
не обижай меня от слабости,
на троне ты или у пропасти —
я не отдам тебя толпе.
Все завершается: империи,
надежды и порывы дерзкие,
великих замыслов мистерии —
кто на коне, кто на кресте.
Все возвращается: и грешники,
и праведники темноликие
придут смеяь, или со всхлипами,
и никогда не будут прежними.
Все возвращается: по Замыслу
ждет победителя возмездие,
царей – гробницы, как предвестие
невысказанных мыслей вслух.
Я не отдам тебя толпе
в час расставания и в праздники.
Предчувствие разлуки мне
страшнее смерти – и в изгнании
я не отдам тебя толпе.

Не забывай, что все мы странники,
но сколько б не было отпущено
парить иль падать птицей раненой,
быть в рубище иль на столпе,
не отвергай на зов идущего —
я не отдам тебя толпе.

1996

«Мы с тобой соучастники...»

Мы с тобой соучастники
в этой жизни земной,
делим беды и праздники-
не стоим за ценой.
От наветов и зависти,
от пустой суеты
состраданием, не жалостью
защитишь меня ты.
Мы разбросаны временем
по чужим городам,
где без роду и племени
припадают к стопам,
умоляя и жалуясь,
что мечта не сбылась.
Где земля эта малая,
чтобы жизнь удалась?
Где весна так пронзительна,
осень слезно – нежна,
шепчут губы усталые:
«Ты нужна мне, нужна».

1996

«Ты присылаешь мне дожди...»

Ты присылаешь мне дожди,
такие краткие и злые,
как чувства ревности былые,
неуловимые почти.

«Итак, не мудрствуя лукаво...»

Итак, не мудрствуя лукаво,
не пряча равнодушный взгляд,
– Мой милый, Вы, конечно, правы, —
я Вам отвечу невпопад.
Порой, растрчивая силы,
мы платим по чужим счетам.
Да, Вы, наверно, правы, милый,
но я руки Вам не подам.
Итак, не мудрствуя лукаво,
натянем душу на верстак —
не воскресить бряцаньем славы
в себе распятого Христа.

«Оклеветали, оболгали ...»

Оклеветали, оболгали —
Пощечин красные рубцы
На бледном лице проступали,
как дорогие изразцы.
Прости, Казанская Мадонна,
Все просьбы дерзкие мои.
Печаль в твоих глазах бездонна,
Как отражение мольбы.
Прося у Господа пощады,
Душа моя взметнулась ввысь,
Вилась цыганкою площадной
и ворожила: «Отзовись!»
А клевета летала рядом,
расправив гордые крыла,
худой молвой, палящим взглядом
твою обитель обожгла.
Приплясывала, хохотала,
звоня во все колокола,
и завывала, зазывала
и на куски ее рвала.
Душа в окно твое стучала,
просилась в дверь от палача-
своей Судьбе не отвечала
твоя горящая свеча.

Воспоминание о будущем

Слова покинули меня
вокзал
облит жарой
+40
за зноем пыльного стекла
катился раскаленный
город
арбуз
лежавший на столе
тихонько охнул
и
сочной мякотью маня
внезапно
вздрагнул
как будто думая
что он
хоть на мгновенье
желанье
сущность бытия
сердцебиенье
остановилось
и состав
и я впиваюсь
зубами в розовую сласть
и возвращаюсь

в июль
где мы с тобой вдвоем
лукум в зефире
и приторная Бухара
зрачок все шире
и вырываясь из оков
событий
мира
сочится сладость в рукава
из кашемира
ликуют
радостно гудят
карнаи
бубен
и странный танец у огня
и пахнут губы
нектаром царственных даров
любви и юга
незавершенностью дорог
и тайной круга

«Прости меня, что умерла...»

Прости меня, что умерла,
умчалась в небесную высь.
Не помни, любимый мой, зла
Казанской по мне помолись.
Зажги в своем доме свечу,
обмой меня и отпой.
Я знаю, мне смерть не к лицу,
пригладь мои косы водой.
Нарви полевых цветов,
укрась изголовье, пол,
друзей созови и врагов
разделят пускай стол.
Не плачь и не трать слов.
Как светел луны лик.
Коснусь золотых снов-
где Вечность и где миг?
Тихонько войду в дом,
скользну по щеке, вдруг
свернется тоска в ком,
но мне не сомкнуть рук.
Как странно – не быть-быть.
Здесь свет и веселый гам —
забыться, про все забыть,
но ты оставайся Там.
Идет на Земле снег

иль листья в саду жгут,
иду за тобой в след.
Прости, но тебя не жду.

1996

«Назначь мне свиданье...»

Назначь мне свиданье
на этой планете,
в сиреневой заводи,
солнечном свете.

Назначь мне свиданье,
пока еще можно,
срывая завесу
из скромности ложной,
и слушая – слышать,
и глядя – увидеть,
и словом неверным
еще не обидеть.

Назначь мне свиданье —
губами коснуться —
и, выдохнув имя,
от счастья проснуться.

Дыханьем своим
согревая друг друга,
сливаемся с тайной
астрального круга.

Возможно, мы встретимся
в будущем где-то,
как лунные блики,
как звуки сонета...

И все же у заводи,

В СОЛНЕЧНОМ СВЕТЕ,
НАЗНАЧЬ МНЕ СВИДАНИЕ
НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ.

Ольге

Ты помнишь, в маленькой несобственной квартире
Мы отмечали праздник сентябрин.
Ах, как давно в том невозвратном мире
Был нежен взгляд возлюбленных мужчин.
Расположившись кругом, по-узбекски,
Мы вспомнили вчерашний институт,
И песенки Авдюхи, по-соседски
Нам певшей и про дождь, и про уют.
О, как беспечны, счастливы мы были —
Гитары звон, в кармане – ни гроша.
Все изменились или позабыли,
Расстроены и струны, и душа.
И если вдруг меня не станет в мире,
Не вечен он и бренны мы вдвойне,
Не плачь, мой друг, об отзвучавшей лире,
Не вспоминай в «кладбищенском» вине.
Открой окно, я, для других незрима,
В твой дом дождем осенним постучу,
К тебе в Россию азиатской примой,
Я паутинкой тонкой прилечу.

«Я не люблю весну ...»

Я не люблю весну —
распутица и слякоть,
и в темноте дерев
голодные грачи,
и пустота в душе:
смеяться или плакать,
и глаз не разглядеть,
и мы с тобой молчим.

«Простить и проститься...»

Простить и проститься
У края заветного круга.
И в тихой молитве
Губами коснуться друг друга.
Простить наперед
Вопреки суесловию злomu,
И в глаз окунуться
Твоих обжигающий омут.
Простить и проститься
И тысячу раз повиниться —
Как чистой росой
Омыть утомленные лица.
Простить навсегда
И проститься до тайного вздоха,
И вымолвить: «Да,
В этой жизни все было неплохо».

Послание к Коринфянам

Св. Апостол Павел (гл.13)

Если я говорю языком человеческим
Или ангельским говорю
И мечтаю спасти Отечество,
Но любви огнем не горю,
Я – звенящая медь,
Но не песню петь.
Если знаю все тайны, пророчества,
Даже горы перенесу
(Где спасенье от одиночества,
заблудиться б в твоём лесу).
Если я раздам все именьё своё и дар
И отдам себя на сожжение,
Но любви не имею в сердце жар
И в глазах твоих отражение,
Я – ничто и Храм
Разрушаю сам.

Треугольная кошка

Такая безысходная тоска
В ее зеленых с золотом глазах,
Оставлена несъеденной треска,
А с минарета: «О, спаси, Аллах!»
С отточенной небрежностью царей
Она несет свой треугольный торс,
И треугольной мордочкой своей
Похожа на незаданный вопрос.
Расположилась важно в стороне,
Где лижет берег серебристый бриз,
Персидский говор не подвластен мне —
Я говорю по-русски ей: «Кис-кис».
Не удостоив гордого кивка,
Богиня треугольная, без слов,
Взирает молчаливо, свысока
На разности людей и языков.

1997

«Раскатились, как горошины...»

Раскатились, как горошины,
Слов несказанных мониста.
«Я с тобой, моя хорошая,» —
шепчет эхо серебристое.
Разложила карты веером —
Опустились обе рученьки.
Как ждала его, как верила —
След растаял у излучины.

«Светлое воскресенье запорошил январь...»

Светлое воскресенье запорошил январь,
Возле больничной койки холод, как пономарь,
Бродит. Застыли губы, кто-то простер крыла —
Анастасия, Настя – бабушка – умерла.
Детям твоим неведом маленькой внучки плач:
Сына война стубила, дочку забрал Палач.
Буднично, без присловий заколотили гроб,
Под серебристой ивой в землю зарыли, чтоб
Весточку о победе зелень ветвей несла,
Бабушка Анастасья, как ты ее ждала.

1999

«Я провожу тебя до порога...»

Светлане Колокольцевой

Я провожу тебя до порога,
Пока. Прощай.
Но перед дальней такой дорогой
Пообещай,
Когда у снежности бесконечной
Чужой страны,
Чересполосицы быстротечной
Иль тишины
Тебе захочется окунуться
В забытый край
Мечтаний детских и сновидений
Звенящий рай,
Пусть колокольчиком золотистым,
Дразня февраль,
Развеет стих мой в небесной выси
Твою печаль.

1998

Возвращение композитора

В Москве кратковременный дождь
Четвертые сутки по Шнитке,
И струны бьет нервная дрожь
В холодном футляре без скрипки.
Ну вот и вернулся домой,
И город, промокший до нитки,
Глощает вселенскую боль
Его лучезарной улыбки.
В Москве кратковременный дождь
Засыпал оранжевый август.
И смерть – гениальная ложь —
Проявит все чувства, как лакмус.

1998

«Пишу, как ты учил...»

Пишу, как ты учил:
Размашисто и смело.
Сквозь нити решета
Рассыпаны слова:
То слезы без причин
По акварели белой,
То хохотом шальным
Недобрая молва.
То перышком стальным
Вычерчиваю грани,
То кистью по холсту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.